

Трудно первые сто лет

Дружу с «Московским комсомольцем» на протяжении уже многих десятилетий. Но самым ярким воспоминанием, связанным с газетой, является для меня история, случившаяся в «революционном» августе 1991 года. Я тогда работал

заместителем министра печати и информации Российской Федерации и отвечал за регистрацию СМИ.

Буквально на следующий день после провала ГКЧП ко мне в кабинет вбежал взлохмаченный и взволнованный Павел Гусев. «Нам нужно срочно перерегистрировать «Московский комсомолец» в качестве издания журналистского коллектива редакции», – объяснил он. Срочность объяснялась тем, что прежние учредители газеты, горком и обком ВЛКСМ, приказали, как говорится, долго жить – вслед за ельцинским указом о запрете КПСС и национализации партийного имущества. Между тем перерегистрация, согласно закону, была невозможна без согласия самих учредителей: должны были быть их заявления о том, что они слагают с себя полномочия в пользу редакции.

«Где же я их теперь найду?! – сокрушался Павел Николаевич. – Все сбежали: ни людей, ни печатей, ни бланков – ничего нет!» – «Ладно, – говорю, – сейчас подумаем, что можно сделать». Необходимо было найти какое-то юридическое решение, чтобы газета могла выходить и дальше. Иначе был риск, что она разделит судьбу своих учредителей. Нужно было рубить канаты, чтобы газета не пошла на дно. Я попросил, чтобы мне принесли регистрационные документы «Московского комсомольца». Открыл папку и тут же увидел решение: в свидетельстве о регистрации название газеты в нарушение правил русского языка было написано без кавычек!

По закону нельзя регистрировать издание, которое имеет такое же название, как у зарегистрированного ранее. Но, решил я, название, взятое в кавычки, не идентично тому, что без кавычек. Это уже разные названия. Сделав этот логический вывод, я предложил Павлу Николаевичу воспользоваться открывшейся лазейкой и написать заявление о регистрации газеты с названием «Московский комсомолец» – с обязательными по правилам русского языка кавычками. Когда мне принесли на подпись свидетельство о регистрации газеты, я сделал это с чувством честно исполненного долга. Словом, «МК» спасли кавычки. И смекалка.

У меня много любимых авторов в газете, много друзей среди журналистов редакции. Есть представители «МК» и в составе президентского Совета по правам человека: Павел Гусев и Ева Меркачева. Так что в каком-то смысле мы продолжение друг друга. Главной отличительной особенностью газеты я бы назвал независимость. «МК» придерживается независимых взглядов, «МК» не боится поднимать острые темы. Это на пользу читателям. И на пользу самим журналистам: они не теряют своего профессионального уровня и сохраняют уникальный стиль серьезных публикаций – острых, умных, остроумных.

В общем, я рад, что помог тогда, в 1991 году, спасти газету. Желая «Московскому комсомольцу» в следующие 100 лет оставаться таким же – таким же смелым, независимым, свободным и высокопрофессиональным. Думаю, для ближайшего столетия этого будет вполне достаточно.

Михаил Федотов

